

³⁵ Кант И. Уведомление о расписании лекций на зимнее полугодие 1765/66 г. // Сочинения; В 6 т. Т. 2. М., 1964. С. 277–291.

³⁶ Дочкин С.А., Берсенева И.И. Использование информационных технологий в военном вузе / Повышение качества непрерывного профессионального образования: Материалы Всероссийской научно-методической конференции. Под науч. ред. С.А. Подлесного. В 2 ч. Ч. 1. Красноярск, 2005. С. 256.

ПОЛИТИКО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЦЕНТРИЗМА В РОССИИ

Н.В. Плотичкина
(Россия, г. Краснодар)

Одним из важнейших факторов демократизации политического процесса в современной России выступает утверждение качественно новой партийной системы. Политические партии, являясь носителями различных идеологических концепций, оказывают определенное воздействие на изменения в политическом процессе. Перспектива освоения более гибких форм политического диалога связана, на наш взгляд, с усилиями центристски ориентированных партий. Именно они в состоянии сыграть решающую роль в достижении общественного консенсуса по поводу политических целей и ценностей.

В России актуальным является формирование политико-культурных механизмов интеграции дифференцированного сложного общества в условиях сосуществования различных ценностных систем. По мнению А.С. Ахиезера, русская культура является биполярной, имеющей в себе два противостоящих «вектора конструктивного напряжения»¹. Специфика центризма заключается в утверждении ценностей «срединной культуры», в стремлении к компромиссу, в обеспечении политической стабильности и общественного порядка.

В настоящее время российское общество проявляет сложное и неоднозначное отношение к центризму. В частности, в сфере практической политики центристская символика и риторика может применяться представителями радикальных и экстремистских кругов.

Вместе с тем данные социологических опросов свидетельствуют о формировании определенных социально-психологических предпосылок утверждения центристских взглядов по различным аспектам российской политической действительности.

Цель данной статьи – социокультурный анализ феномена, который позволит выявить долгосрочные предпосылки и тенденции становления центризма в России. Цель влечет за собой постановку следующих задач работы: 1) выявить специфику социокультурного и цивилизационного подходов к анализу политических явлений; 2) раскрыть значение «срединной политической культуры» как показателя и фактора социальной поддержки центризма в российском обществе.

Интегративный характер политической культуры, тенденция образования новых общезначимых ценностей в межкультурном взаимодействии обуславливают необходимость формирования особой методологии исследования политической культуры как специфической области социокультурного.

Социокультурный подход имеет ряд особенностей, определяющих целесообразность и границы его применения в анализе политической культуры. Специфической его чертой является определенный универсализм, позволяющий рассмотреть культурные, политические и иные элементы общественного целого.

Анализ центризма как феномена политической культуры состоит в осмыслении его ментальной обусловленности, раскрывающей цивилизационную специфику восприятия идей толерантности, ответственности, уважения прав человека и законности, рационального подхода к политике в российском обществе.

В рамках социокультурного подхода выявляются основополагающие политические ценности социальных субъектов, определяемые культурным долговременным контекстом. При этом подходе присутствует сопоставительный анализ изучаемых ценностей социальных групп, с одной стороны, и социокультурных характеристик общественного целого, с другой стороны.

Ряд исследователей (В.Ф. Шаповалов, А.С. Ахиезер, В.В. Ильин, Б.С. Ерасов, И.Н. Ионов) относят Россию к самобытной локальной цивилизации. Ее политическая культура имеет устойчивые цивилизационные основы и характеристики.

Согласно Э. Шилзу, «духовное ядро» цивилизации включает в себя такие компоненты: мировоззрение (общую «картину мира» – по Р. Редфилду); представления о смысле жизни, добра и зла, успеха и неуспеха; религиозные ценности; осмысление власти и права; понимание взаимоотношений «индивид – группа – общество – человечество»².

«Духовное ядро» специфично для определенной цивилизации, характеризует ее лицо и образуется в определенный исторический момент. Оно создается на основе норм реального общества, но впоследствии преобразуется в систему идеалов.

Можно выделить следующие признаки и параметры, определяющие специфику российской цивилизации:

✓ совмещение устойчивых социокультурных факторов регуляции общества, присущих как Западу, так и Востоку;

✓ этнонациональная и конфессиональная гетерогенность населения;

✓ тяжелые природно-климатические условия на огромных территориях;

✓ татизм; преобладание властных государственных функций над способностью общества к самоорганизации. Представляется существенным принять во внимание концепцию Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова, согласно которой системообразующим элементом русской истории выступает «Власть – не политическая, государственная, экономическая, а Власть как метафизическое явление»³. В российском политическом сознании отсутствует или слабо выражена идея «срединного понимания» государства как инструмента, находящегося на службе общества. Реальным ядром системы российских ценностей являются представления о государстве как порождающем начале всех социальных благ, всех прав и обязанностей граждан. Эта цивилизационная специфика России определила своеобразие современного централизма как конгломерата политических сил, выстраиваемых властью;

✓ общинность, соборность, определяющие сопричастность каждого члена социума к общему делу, ответственность не только за свою судьбу, но и за состояние общества; стремление к социальной справедливости, понимаемой как воздаяние государства за заслуги перед ним и обществом;

✓ духовность, национально-государственная ангажированность православия; отсутствие в моральной доктрине православия ориентированных на повседневность моральных этических норм; приоритет религиозно ориентированных этических учений. Как отмечал С.Л. Франк, «промежуточные» духовные и политические образования в России были невозможны, прежде всего «религиозно и психологически»⁴. Для Н. Лосского «безразличие к средней области культуры» являлось следствием «малого интереса народа к материальной культуре»⁵;

✓ слабая рационализированность мышления, морализм, недоверие к законам, неразграниченность права и морали в русской культурной традиции;

✓ полиморфизм и антиномичность, противоречивость русской культуры;

✓ неустойчивость ценностно-смыслового «ядра» – «срединной» культуры, «медиативных», посреднических, ориентаций и принципов.

«Срединная культура» – метафора, передающая характер изменений, которые появляются в результате отказа от абсолютизации противоположностей и усиления внимания к взаимопроникновению полярностей. Она снимает напряженность оппозиционных ценностей, устраняет угрозу раскола и радикальной инверсии в его динамике. Именно в рамках «срединной культуры» формируется устойчивый нравственный идеал, приемлемый для широких масс населения на длительный период времени.

Современные исследователи А. Ахиезер, А. Давыдов фокусируют внимание на слабой способности русской культуры к «медиации»⁶. Ю. Лотман отметил бинарную структуру российской культуры, характеризующуюся отсутствием устойчивого срединного слоя, который мог бы умерить резкие колебания во внешних социальных условиях развития⁷. Н. Басина связывает слабость срединного компонента с устойчивыми сбоями во взаимодействии актуальных и идеальных моделей (поведения, сознания), когда «структурное напряжение воссоздается постоянно на любом материале и продуцирует поляризованность национального характера»⁸. О. Шкаратан объясняет отсутствие «срединной» области незаинтересованностью социальных институтов в ее культивировании⁹. В интерпретации Е. Ярковой неспособность российского общества к освоению развитых форм утилитаризма (прагматизма, предпринимательства, достижительности) превратилась в неспособность к развитию, самоорганизации, в ориентацию на преобладание абсолютизирующей крайности монологической логики¹⁰. С позиции Ю. Денисова нетерпимость в сознании и психологии россиян можно объяснить воспроизводством присущих традиционной российской и советской политической культуре установок на этатизм, централизм и патернализм¹¹. Авторы сходятся в том, что идея первичности государственного интереса способствовала консервации безразличия к «средней области культуры», к области «малых дел», к тому, «что уже не имеет личного значения, но еще не приобрело значения национального». Наконец, исследователи рассматривают господство инверсионной специфики русской культуры как результат укорененности традиционного типа нравственности¹², предполагающего опору на авторитет традиции, догматизм, неразвитость индивидуальной рефлексии. Так, Н. Щербинина полагает, что российская политическая культура опирается на архаический сакральный базис посредством стереотипного воспроизведения культурного процесса, когда происходит активизация, казалось бы, исчезнувших пластов культуры, связанных с ушедшим более простым миром, антимедиация¹³.

Раскрывая значение «срединной культуры» как показателя и фактора социальной поддержки центризма, необходимо оценить характер ценностных ориентиров российских граждан, чтобы определить степень укорененности в массовом политическом сознании присущих центризму основополагающих идеалов и принципов. Говоря об их специфичности, С. Франк подчеркивал, что «центральное» направление в политике в культурном смысле означает не эклектическое сочетание крайних позиций, а целостное мировосприятие, подразумевающее «стремление» людей к «обновлению через реформу, приспособление», а «его пафос есть идея полноты, примирения»¹⁴. Если обобщить наиболее принципиальные ценностные свойства центризма, формирующие фундамент данного культурного типа, то к ним можно отнести: умеренность, терпимость к инакомыслию, рационализм мышления и действий, приоритеты гражданского мира и согласия, приверженность демократическому строю общества и т.д.

Результаты «Исследования мировых ценностей» (1999) показали, что в иерархии ценностных приоритетов россиян политика стоит на одном из последних мест. Политические проблемы занимали важное место в жизни 38 % респондентов¹⁵. По данным Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), в октябре 2004 г. только 40 % опрошенных заявили о том, что интересуются политикой¹⁶. Граждане России проявляют крайне низкую способность к общественной самоорганизации, потенциал социальной и политической активности в обществе незначителен.

Особенности политико-правового сознания россиян можно проследить по вопросу, в котором выясняется, какой способ защиты своих прав они считают наилучшим. По данным социологических опросов студентов из различных вузов г. Краснодара (май-июнь 2005 г.), 24 % опрошенных предпочитали защищать свои права неофициальными способами¹⁷.

Важная особенность российской политической культуры – стабильная покорность основной массы населения даже самым непопулярным действиям правительства. Согласно данным Аналитического центра Ю. Левады («Левада-центр»), в 1997 г. 42 % россиян оценивали свое положение как трудное, но терпимое («жить

трудно, но можно терпеть»). В 2000–2002 гг. – 54 %, в 2003–2004 гг. – 56 %. «Человек терпеливый» остается центральной фигурой постсоветского общественно-политического пространства¹⁸.

Согласно результатам исследований Левада-центра 2002 г., не одобряли деятельность всех оцениваемых субъектов власти (президент, правительство, парламент и т.д.) 13 % респондентов, одобряли – 10 %. Чаще всего россияне (17 %) были готовы одобрить деятельность только одного из названных субъектов власти. Затем – по убывающей, и лишь немногие (5 %) считали, что одобрения заслуживают все институты власти, кроме одного¹⁹. Очевидно, что некоторая часть респондентов одобряла именно всех субъектов власти: не каждого в отдельности, а в силу принадлежности к власти. В российской политической культуре ориентации на всестороннюю опеку государства над народом релевантна установка на монолитность власти.

Об этом также свидетельствует отношение российских граждан к принципу «разделения властей». По данным ФОМ (октябрь 2001 г.), только 39 % опрошенных смогли дать свою трактовку данного понятия. Из них 20 % считали, что термин «разделение властей» означает разграничение функций и обязанностей, 6 % – преследование корыстных целей, 2 % – несогласованность власти. 2 % дали общую отрицательную оценку понятию, еще 2 % отметили необходимость единовластия. 14 % из тех 20 %, которые связали «разделение властей» с разграничением функций, обнаружили понимание того, что речь идет о разграничении ветвей власти. Правда, половина этих респондентов упоминала только исполнительную и законодательную ветви. Еще 4 % отождествляли «разделение властей» с разграничением полномочий между должностными лицами. 2 % полагали, что понятие описывает взаимоотношения между федеральными и региональными властями²⁰. Мнение о том, что Государственную думу необходимо упразднить с передачей ее функций правительству (40 %) оказалось столь же распространенным, как и противоположная точка зрения (41 %). 51 % признавали споры и разногласия между Думой и правительством «нормальным» и даже «полезным» явлением, 41 % высказывались против «упразднения» одного из участников таких споров²¹. Представление о желательности и даже необходимости дискуссий для выработки разумных решений является для российского массового сознания вполне традиционным.

В общей сложности в российском политико-идеологическом пространстве идейно оформились сторонники правых, левых и центристских взглядов.

Согласно результатам общероссийского опроса²² 1998 г., проведенного Российским независимым институтом социальных и национальных проблем (РНИСиНП), 72,9 % россиян в той или иной степени идентифицировали себя с другими людьми по характеру политических воззрений. Для сравнения отметим, что в 1992 г. таковых было 53,6 %.

По материалам опросов²³ городского населения России, проведенных Институтом социально-политических исследований РАН (ИСПИ РАН), в 1993 г. к «центру» относилось себя 47,5 % респондентов, к «левому центру» – 36,5 %, к «правому центру» – 9,2 %, к левым – 4,5 %, к правым – 2,3 %.

Данные, полученные в 1995–1999 гг. в рамках проекта «Исследование мировых ценностей», показали, что «центристскую позицию» выбрали 33 % респондентов, «левую» часть шкалы предпочли 46 %, из них 27 % позиционировали себя максимально близко к центру («левоцентристы»), «правую» половину шкалы отметили 54 % опрошенных²⁴.

Согласно результатам исследований ФОМ, носители правых и левых идей достаточно определенно представляют себе, какие ценности они отстаивают, и какие политические силы находятся на их стороне. Сторонники же «центристов» понимают современный центризм не столько как сумму определенных идей, сколько как «центральной» положение на политическом поле, которое характеризуется изрядным удалением от «левых» и «правых» и одновременно – минимальной дистанцией от власти²⁵.

Из вышесказанного следует, что центризм не является доминирующей социокультурной чертой России. Надо признать, он утверждает во многом непривычную

для страны культуру. Пренебрежение к центристским ценностям и методам управления – одно из следствий российского раскола, который выступает как постоянный внутрикультурный конфликт, выражающийся в сосуществовании в рамках одной культуры разных субкультур, тяготеющих к противоположным путям общественного развития.

Все же не следует пессимистично оценивать перспективы центризма в российском обществе. Динамика политических ценностей российских избирателей в последние годы свидетельствует об интенсивном освоении демократической политической культуры, современных политических практик и институтов. Как показывают исследования Левада-центра, 55 % респондентов в 2006 г. считали, что «демократия нужна России»²⁶.

Перспективными в этом смысле выглядят тенденции к увеличению удельного веса «социально интегрирующих ценностей» и появление среди базовых предпочтений населения ценностей «порядка», «безопасности», «законности»²⁷. Некоторые авторы оценивают это как рост авторитарных настроений в массовом сознании. На наш взгляд, полученные в ходе опросов данные о предпочтениях в пользу «порядка» нельзя трактовать исключительно как ментальную предрасположенность россиян к авторитарному типу политического режима. Как обоснованно утверждает Н. Лапин, в современном российском обществе преобладает мнение об одинаковой важности демократии и безопасности. «Трудная задача, – акцентирует он внимание, – состоит в том, чтобы создать такую демократию, которая обеспечивает не только свободу, но и безопасность. А не разделять их в качестве альтернативы»²⁸. По данным социологических опросов Левада-центра, в 2006 г. 43 % опрошенных указывали на совместимость в российских условиях «демократии» и «порядка». Респонденты, поставленные перед прямой альтернативой – «демократия» или «порядок» – отдавали предпочтение последнему (67 %). При этом 42 % считали, что достижение порядка должно происходить за счет укрепления гражданских прав и свобод²⁹.

Вызывает сомнения и научная обоснованность утверждения по поводу тяги россиян к «сильной руке». Стремление большинства населения видеть во главе государства дееспособного лидера можно рассматривать как выражение надежды на такой порядок в государстве и обществе, который благоприятен для реализации общенациональных, социально-групповых и личных интересов. На это указывают многие исследователи. В частности, по оценкам В. Бойкова, только 37,7 % респондентов называют «веру в царя» как черту национального характера, тогда как большая часть опрошенных указали на «веру в судьбу» (68,8 %) и «расчет на авось» (68,1 %)³⁰.

Согласно результатам социологического исследования, проведенного в 1993–2003 гг. под руководством Е. Шестопал на кафедре политической психологии МГУ, в 2003 г. в иерархии демократических ценностей российских граждан понятие «сильное государство» занимало 4-е место, набрав 15,8 % после «свободы», «прав человека», «соблюдения законов». В 1993 г. данная ценность была отмечена 24 % опрошенных. Обращается внимание и на снижение группы респондентов, которые при ответе на вопрос «что вам больше нравится» выбирают «подчиняться» (в 1993 г. – 12 %, в 2003 г. – 6 %)³¹. Примечательны и результаты опросов населения, фиксирующие переход граждан от традиционного патернализма к самостоятельности в решении жизненных проблем. По данным мониторинга³² ЦИКСИ ИФРАН, доля «надеющихся на себя, а не на власти» увеличилась с 43,3 % в 1990 г. до 78,3 % в 2002 г.

Положительную тенденцию отмечают В. Петухов и Л. Бызов, зафиксировавшие в 2000 г. новое качественное состояние общественного мнения, характеризующееся широким консенсусом в отношении действующей власти³³. Исследования 2003–2004 гг. подтверждают наличие моральной и социально-политической консолидации российского общества, указывая, впрочем, на ее неустойчивость. Авторы ссылаются на присутствие ядра общих интересов граждан, рост индикатора позитивной трудовой мотивации, высокий уровень доверия населения к президенту, рост самоидентификации россиян со средними слоями общества. По данным мониторинга ИСПИ РАН, за период с 1994 по 2003 гг. увеличилась с 43 % до 52 % группа респондентов, указавших на свою принадлежность к среднему классу, хотя реально сред-

ний класс значительно меньше³⁴. Ю. Левада объясняет привлекательность средне-массовых стандартов стремлением большинства населения уйти от личной ответственности в условиях слабоструктурированного общества, а также «равнением на середину», отражающим неприятие правил игры, задаваемых новыми элитарными слоями³⁵. Поэтому в качестве особого требования к преобразованию культурных основ политической поддержки центризма следует рассматривать снижение внутренне-го противостояния элитарной и неэлитарной частей населения. Именно оно крайне неблагоприятно воздействует на политическую атмосферу современного российского общества, снижая потенциал гражданского мира и согласия. Вместе с тем результаты социологических опросов ИКСИ РАН в 2003 г. свидетельствуют о том, что наиболее острыми, конфликтными для россиян являются противоречия между богатыми и бедными (44,4 %), русскими и нерусскими (37,2 %). Противоречие между олигархами и обществом (27,1 %) или между бюрократией и гражданами (26,4 %) в сознании большинства россиян уходит на второй план³⁶.

Необходимо видеть и то, что ряд традиционалистских черт российской политической культуры может не противостоять, а поддерживать цели центристской политики. Например, многотерпение народа, его умение жертвовать собой во имя высших целей, способность людей подчинить личное в угоду общественному могут использоваться как определенный социокультурный резерв центризма, понятого и представленного общественному мнению как олицетворение коллективного блага.

Приведенные соображения не отменяют того факта, что центризм в культурном отношении слабо закреплен в российском обществе. Автор солидарен с теми политологами, которые фиксируют необходимость центристской политики в современной России и одновременно субъективную неготовность к ней значительной части населения из-за слабости соответствующей политической культуры.

Преодоление присущих российскому обществу культурных стандартов и стереотипов политического поведения, препятствующих утверждению принципов срединной культуры и, соответственно, центризма, предполагает целенаправленную политику в области политической социализации граждан. Это подразумевает гуманизацию представлений граждан, перемещение во главу ценностных приоритетов миротворческих и согласительных принципов, формирование идеалов равенства политических субъектов, распространение толерантности, готовности к компромиссу, диалогу и т.д.

Центризм должен сначала закрепляться в политическом пространстве не как глобальный, а как частичный проект, формирующийся в определенном политическом пространстве. Подобная тактика может создать условия для естественной эволюции и распада массовых стереотипов доминирующей политической культуры в условиях постепенной демократизации общества.

¹ Ахиезер А. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск, 1997. Т. 1. С. 34, 116.

² Шилз Э. О соотношении центра и периферии. Ценностно-смысловой аспект ядра и периферии // Сравнительное изучение цивилизаций / Сост., ред. Б.С. Ерасов. М., 1998. С. 171–174.

³ Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская власть, русская система, русская история // Красные холмы: Альманах. М., 1999. С. 188–189.

⁴ Франк С. Непрочитанное. М., 2001. С. 233–234.

⁵ Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991. С. 56.

⁶ Давыдов А.П. Инверсия и медиация в развитии русского художественного сознания // Мир психологии. 2000. № 3 (23). С. 88; Ахиезер А.С. Проблема переходов в социокультурных процессах и феномен осмысления – переосмысления ситуации // Мир психологии. 2000. № 1(21). С. 226–229.

⁷ Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 258.

⁸ Басина Н.И. Проблема автора и «серединная культура» // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение. 2003. № 3. С. 4.

- ⁹ **Шкаратан О.И., Карачаровский В.В.** Русская трудовая и управленческая культура. Опыт исследования в контексте перспектив экономического развития // Мир России. 2002. №1. С. 42.
- ¹⁰ **Яркова Е.Н.** Утилитаризм как стимул самоорганизации культуры и общества // Общественные науки и современность. 2002. № 2. С. 90–93.
- ¹¹ **Денисов Ю.П.** Почему россияне не приемлют золотой середины, или об умеренности в политике // Полис. 1996. № 1. С. 179.
- ¹² **Инговатов В.Ю.** Русский традиционализм и проблема формирования «срединной» культуры // Личность, творчество и современность. Красноярск, 2000. Вып. 3. С. 68; Ахизер А.С. Культурно-психологические проблемы осмысления и «решения» переходных процессов // Мир психологии. 2000. № 3. С. 44.
- ¹³ **Щербинина Н.Г.** Архаика в российской политической культуре // Полис. 1997. № 5. С. 135.
- ¹⁴ **Франк С.** Непрочитанное. М., 2001. С. 233.
- ¹⁵ **Башкирова Е.И.** Трансформация ценностей российского общества // Полис. 2000. № 6. С. 58.
- ¹⁶ <http://bd.fom.ru>
- ¹⁷ **В мае-июне 2005 г.** было проведено социологическое исследование, цель которого – выяснение уровня правового воспитания, грамотности и правового сознания студенческой молодежи. В анкетном опросе приняло участие 370 студентов из различных вузов г. Краснодара. Возраст респондентов варьируется в диапазоне от 17 лет до 31 года. Из всей выборки доля опрошенных возраста 17–18 лет составляет 54,6 %, 19–21 год – 41,9 % и более 21 года – 3,5 %. В общей совокупности участников опроса 35,1 % составляют мужчины и 64,9 % – женщины.
- ¹⁸ **Протестная** активность россиян. Опрос населения (май 2004 г.) // www.levada.ru
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ <http://bd.fom.ru>
- ²¹ **Кертман Г.Л.** Разделение властей или властный монолит? (принцип разделения властей в российском массовом сознании) (13.12.01) // <http://bd.fom.ru>; К вопросу о разделении властей. Опрос населения (11.10.2001) // <http://bd.fom.ru>
- ²² **Попова О.В.** Политическая идентификация в условиях трансформации общества. СПб., 2002. С. 62–63.
- ²³ **Рукавишников В.О.** и др. Россия между прошлым и будущим. Сравнение показателей политической культуры населения 22-х стран Европы и Северной Америки // Социс. 1995. № 5. С. 83–84.
- ²⁴ **Башкирова Е.И.** Трансформация ценностей российского общества // Полис. 2000. №6. С. 60.
- ²⁵ **Бавин П.С.** Левые, правые, центристы // <http://bd.fom.ru>; Преснякова Л.А., Кертман Г.Л. Правые и левые сегодня (по результатам тестирования ценностных ориентаций и политических установок граждан) // <http://bd.fom.ru>; Петрова А.С. Центристы – золотая середина // <http://bd.fom.ru>; Опрос населения: левые, правые, центристы (13.09.2001) // <http://bd.fom.ru>; Опрос экспертов: левые, правые, центристы (06.09.2001) // <http://bd.fom.ru>
- ²⁶ **Седов Л.** Оппозиция. Критика власти. Экстремизм (по данным декабрьских опросов 2006 г.) // <http://www.levada.ru>
- ²⁷ **Лапкин В.В.** Трансформация политических ценностей российских избирателей // Политическая наука. Динамика политического сознания и поведения. 2002. № 2. С. 63, 71; **Холодковский К.Г.** Социально-психологическая дифференциация российского населения и процесс формирования партий // Полис. 2001. № 5. С. 86.
- ²⁸ **Лапин Н.И.** Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Социс. 2003. № 6. С. 86.
- ²⁹ **Седов Л.** Оппозиция. Критика власти. Экстремизм (по данным декабрьских опросов 2006 г.) // <http://www.levada.ru>
- ³⁰ **Бойков В.Э.** Ценности и ориентиры общественного сознания россиян // Социс. 2004. № 7. С. 49.

³¹ **Шестопал Е.Б.** Личность и власть. Попытка микрополитического анализа перспектив демократизации в постсоветской России // Политическая наука в современной России: время поиска и контуры эволюции: Ежегодник–2004. М., 2004. С. 345–346, 353.

³² **Лалин Н.И.** Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Социс. 2003. № 6. С. 79.

³³ **Петухов В., Бызов Л.** Новый политконсенсус: границы и перспективы // Свободная мысль–XXI. 2000. № 2. С. 15, 18.

³⁴ **Левашов В.К.** Неолиберальные трансформации и социополитическая консолидация // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 2004. № 1. С. 12–13.

³⁵ **Левада Ю.** Средний человек: фикция или реальность? / Средний класс в России: проблемы и перспективы. М., 1998. С. 159–160.

³⁶ **Петухов В.В.** Новые поля социальной напряженности // Социс. 2004. № 3. С. 32.